

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 34

И.С. Ильин

ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ НАВРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ ОБЛАСТЕЙ
В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX–XX вв.

Статья посвящена проблеме негативного отношения к праву в России. На основе обращения к наследию русской философии права утверждается архетип названного феномена. Автор раскрывает в историко-философском аспекте сущностное, культурное единство между различными учениями в русской философии права, показывающее проблематичность взаимодополнения русского типа нравственности и права, закреплённого в юрисдикции.

Ключевые слова: нравственность; право; культура; христианство; этика.

Нормальное функционирование системы права в любом государстве, как известно, во многом обусловлено еще и уровнем правовой культуры граждан, который складывается из ряда взаимосвязанных элементов, таких как осознание необходимости строгого выполнения закона, вера в право, развитость чувств права и законности. По сути, речь должна идти о возможном взаимодополнении права и нравственности, когда право помогает реализовать нравственные требования, и, с другой стороны, в нравственных представлениях право должно быть наделено харизматическими атрибутами. В связи с этим традиционно существующее в России негативное отношение к праву следует рассматривать как жесткую правовую реальность, которая требует не оправдания, но осмысления, направленного на выявление ее истоков.

Изучение существующих причин правового скептицизма в России предполагает внимательное отношение к культурному наследию предков. В данном случае нельзя оставлять без внимания опыт отечественной философии. Исследование философских представлений о праве в трудах русских мыслителей, вопросов, связанных с русской философией права, способствует более ясному осознанию такой перспективы, как построение правового государства в нашей стране. При этом важно попытаться увидеть русскую философию права как единый, целостный образ, что позволит выстроить о ней определенное стройное представление. Следуя положению, согласно которому русская философия берет свое начало с XXI столетия, обратимся к правопониманию, выраженному в философии русского славянофильства.

Как известно, философия русского славянофильства и более поздняя русская философия при обращении к праву, на первый взгляд, выглядят как непримиримые противники. Славянофилы старались показать антагонистичность нравственности и права, считали, что развитие правовых взаимоотношений предполагает регресс взаимоотношений нравственных и наоборот. Ими (И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, Ю.Ф. Самариним, К. Аксаковым) аргументированно показывается невозможность роста правовых взаимоотношений именно на почве русской культуры, духовности русского типа, выражающей ценности православно-христианского миропонимания. Эффективное функционирование пра-

вовых взаимоотношений предполагает, согласно славянофилам, протестантскую или католическую этику, между которыми мыслители проводят сущностное тождество, в то время как в нравственно-психологическом укладе русского народа коренятся этические мотивы православия.

Такое понимание сталкивалось с неприятием его многими русскими философами, пытающимися отстаивать идею права. Так, к примеру, П.И. Новгородцев, критикуя правовой скептицизм славянофилов, замечал: «...не знаешь чему более удивляться, наивной мечтательности или странному неведению житейских отношений» [1. С. 291]. Развитая правовая культура естественно видится Новгородцевым необходимым условием нормального развития общественной жизни. Уже В.С. Соловьев, замечает Новгородцев, в связи с этим писал: «Если Россия... не поверит в силу права, если она не возжелает истинно и крепко духовной свободы и истины – она никогда не будет иметь никакого успеха ни в каких делах – ни внешних, ни внутренних» [1. С. 289]. И.А. Ильин показывал, что развитое правовое сознание имеет своим началом внутренний мир человека, что «право есть, по самому существу своему, некая духовная священная ценность и значение его определяется тем способом духовного бытия, который присущ земному человеку от природы» [2. Т. 2. С. 232].

Указанные авторитеты русской философской мысли, утверждая идею права, выражали в своих работах религиозно-православное уmonoстроение: правовой вопрос рассматривался ими не просто с точки зрения его общественной практической пользы, использовался не элементарный утилитарный подход к вопросу, но учитывалась изначально и главным образом нравственная, моральная сторона дела. Именно религиозно-нравственное настроение было той призмой, через которую происходило мыслительное освоение проблемы.

Если известные симпатии к католицизму Соловьева могут дать повод к сомнениям относительно того, к какой именно христианской ветви принадлежал он в глубине души, то уже в случае с Новгородцевым и Ильиным можно утверждать, что христианство было ими принято в живой и конкретной форме православия. То же самое можно говорить и в отношении ранних славянофилов: главным идейным истоком их мысли было православное христианство. Но как тогда при

наличии общих православных корней объясним такой различный подход к идее правового мироустройства? Если славянофилы видят невозможность сосуществования развитого правового сознания и православно-христианского мировоззрения, то тот же И.А. Ильин с его приматом православно-христианских ценностей придает праву священное значение.

Можно обратить внимание на замечание, сделанное Новгородцевым, который видел славянофилов первыми выразителями русского народного чувства в отечественной философии и понимал их правовой скептицизм как то, что «можно было бы отбросить от остального содержания их философии безо всякого ущерба для таковой» [1. С. 290]. Однако изучение негативного отношения славянофилов к праву не позволяет говорить о нем как о периферийном, не сущностном элементе в их философских воззрениях. В философии славянофилов намечается новое для России устройство общественной жизни, которое должно родиться через православно-духовное оздоровление людей. Исходя из этого, славянофилы выстраивают определенное видение внутреннего мира человека и согласованный с ним принцип общественной жизни, что выражено, соответственно, в учениях о цельности личности Ив. Киреевского и о соборности А.С. Хомякова. Эти положения кладутся славянофилами в основу решения многих социально-политических вопросов, и среди них – вопрос о регулировании общественных отношений посредством права.

В учениях о цельности духа, о соборности родоначальники славянофильства отрицают формализм в общественных отношениях, который и предполагает юридическое право. Данный принцип является препятствием при достижении людьми цельности духа и, стало быть, соборного существования. Нужно сказать, что неприятие или негативное отношение к формализму есть основной мотив, определяющий соответствующее отношение славянофилов к праву. Формализм является атрибутивной сущностной стороной юридического права. С юридической точки зрения важно именно внешнее выражение воли.

Обусловленность неприятия православно-христианским началом славянофилов формализма хорошо раскрыта в словах Сергия Страгородского: «Дела сами по себе, в качестве внешних поступков или отдельных подвигов, не имеют в христианстве значения. Поведение здесь ценится только, как выражение соответствующего настроения души...» [3. С. 249].

Как же тогда принимается идея права другими русскими мыслителями, если идейным началом их мысли является православное христианство? Понимание права отечественными мыслителями, признававшими его необходимость, настолько специфично, что такое признание не отрицает, а наоборот, показывает принадлежность их мысли к православно-религиозному началу, к традициям русской духовности, к которым собственно и принадлежит философская мысль славянофилов и в которых идея правовых взаимоотношений не вызывает энтузиазма. *Если славянофилы, учитывая характерные особенности правовой этики, скептически смотрели на право как на эффективный регулятор общественных отношений, то последующая русская*

философия принимает саму идею права, отрицая при этом славянофильское понимание правовой этики.

Поставленный нами вопрос об идейном родстве между различными учениями о праве в русской философии затрагивает и вопрос о причинах правового скептицизма в России. Дело в том, что существующее в трудах отечественных мыслителей утверждение о необходимости правового регулирования общественных отношений является весомым аргументом для некоторых современных исследователей, отрицающих, что негативное отношение к формальному праву в России есть результат определенной архетипности русского сознания. Но такое решение представляется простым, слишком простым. Оно является, с нашей точки зрения, поверхностным, не учитывающим специфики правопонимания в русской философии. В связи с этим можно указать на ряд обстоятельств, заслуживающих внимания.

Уже говорилось о том, что славянофилы, следуя русским духовным традициям, негативно относились к юридическому праву, не принимая его формализм, удущающий, как они показывали, нравственные силы в человеке и способствующий его эгоистическим стремлениям. Но то, что является атрибутом правовых взаимоотношений (формализм) и что вызывает неприятие у славянофилов, отрицается как сущностная сторона права в следующей за славянофилами русской философии.

Так, В.С. Соловьев, вовсе не упуская из виду формализм права, пишет: «С точки зрения юридической важно именно объективное выражение нашей воли в совершении или недопущении известных деяний» [4. С. 449]. Но при этом добавляет, что нравственное настроение «не только не исключает внешних поступков, но вообще прямо предполагает их... и предписание определенных действий нисколько не отрицает соответствующих им внутренних состояний, хотя и не требует их непременно» [4. С. 449]. Таким образом, является ли для Вас какое-то правовое требование формальным или нет, зависит от Вас же самих и нисколько не определяется самой природой права.

Между нравственностью и правом, по мнению Соловьева, нет различия, которое показывало бы необходимость соответствующего настроения при совершении добрых дел, руководствуясь совестью, и чаще всего невозможность иметь такое настроение, основываясь на правовых нормах. Соловьевым отрицается формализм как атрибут права не только в смысле предписания поступков, но им не признается и формальное наказание. Истинное правовое наказание есть, по Соловьеву, такое, которое приводит человека к глубочайшему раскаянию, сильнейшим угрызениям совести, вследствие чего наступает улучшение внутреннего мира человека или исправление последнего. Несложно заметить, что Соловьев следует традициям православного христианства, по канонам которого прощение за грехи понимается не внешнесудебным способом (Бог перестает гневаться на человека), но есть внутренняя душевная перемена, происходящая в самом человеке.

Не просто схожее, но, в сущности, такое же понимание права, где так же отрицается формализм как атрибут правовых взаимоотношений, мы найдем и у И.А. Ильина. По Ильину право формально только в том

смысле, что оно обыкновенно формулируется в виде общих суждений и поэтому редко имеет возможность охватить всю глубину и сложность единичного жизненного явления, но это не значит, что право призвано формально действовать в жизни и формалистически применяться к отношениям людей, ибо не формален внутренний мир человека, к которому обращено правовое требование, «...а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека» [2. Т. 10. С. 225–226]. Однако возникает вопрос: как в силу общности суждений закон, хотя и обращенный в своих требованиях к человеку и осознаваемый им, может вызывать глубокие совестливые переживания? Последнее и означало бы, что право способно «охватить всю глубину и сложность единичного жизненного явления», а это, по словам самого Ильина, встречается крайне редко. К тому же философ показывает, что право требует от человека не определенного настроения, но определенного поведения. Настроение же интересует право (например, уголовное) постольку, поскольку оно привело к внешнему действию, которое квалифицируется в законе как действие преступное. Не более того.

На поставленный вопрос Ильин отвечает так: «...пусть эти законы кажутся ему формальными и внешними – он (человек. – И.И.) все-таки должен принять их в порядке самообязывания и верно соблюдать их» [2. Т. 10. С. 226]. Должен потому, что «это единственный способ поддерживать правопорядок и в то же время оставаться в нем свободным» [2. Т. 10. С. 227]. Но такое принятие права является исключением и не может быть общим правилом или нормой для людей, принадлежащих к культуре, которой формализм противен. Эффективное функционирование формального права предполагает такой внутренний мир человека, который в определенном смысле... формален. Это имеет место, когда мы говорим о настроении человека западной культуры, где формальный принцип общения и связанный с ним эгоизм – норма жизни.

Очевидно, что рассматриваемое понимание права имеет утопичный характер и не соответствует юридическим правовым реалиям. Фактически всегда юридическим правовым взаимоотношениям был присущ формализм. Основная форма правообразования, необходимость которой доказана веками юридической практики, – закон – неизбежно приводит к формализму в правовых взаимоотношениях. Теоретически же такая философия права является решением объективно существующей проблемы соотношения нравственной и правовой областей на почве русской культуры, выраженной, как отмечалось ранее, в философии славянофилов. Потому русскую философию права (где оно признается) следует представлять не в качестве правового скептицизма славянофилов, но как эволюцию русской философской мысли в ее отношении к праву.

Итак, духовно-смысловое единение в правопонимании русской философии мы можем видеть не только через постановку проблемы соотношения нравственности и права и ее решения, сколько, главным образом, через неприятие в праве тех сущностных сторон, которые всегда были противны русской духовности. Такое неприятие выливается у славянофилов в откровенное негативное отноше-

ние к институту права. Последующие же русские философы отрицают не само право, но, в результате переосмысления природы последнего, ряд его существенных черт, которым придается уже второстепенный характер.

Решение в русской философии проблемы соотношения нравственной и правовой областей в той форме, когда нравственность и право не знают уже антагонистических противоречий, не может иметь практического значения. Это признается, например, П.И. Новгородцевым, который пишет, что принципы правопонимания, существующие в русской философии, «означают решительное отрицание всех основ классической западноевропейской философии права, сформировавшейся в XVIII и XIX вв. и сформулированной Руссо, Монтескье, Кантом и Гегелем [1. С. 375]. Как известно, таким «основам» и отвечает система западных правовых государств: самому настроению, выраженному в учениях названных авторов, той роли, которая отводится праву.

Новгородцев справедливо показывает, что в западной философии права нет русского понимания, согласно которому право хотя и признается необходимой формой общественного устройства, но имеет второстепенное значение. Право в русской философии, за редким исключением, не самоценно, но выступает как средство для достижения идеального состояния общественных отношений, которое есть, по Новгородцеву, «свободное единство людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым...» [1. С. 373]. Такое понимание и означает стирание идеи правового государства. Последнее означает, что право возвышается в равной степени и над государством и над гражданином. Иначе говоря, речь должна идти о тотальном приоритете права, когда право оценивается выше всего. Человек следует правовым нормам независимо от того, отвечают они его настроению, нравственным убеждениям или нет. Нарушение самоценности права, пусть даже ради подчинения нравственным идеалам, отрицает в принципе возможность построения правового государства.

В русской философии права существуют примеры, где пытаются соединить этические принципы, отвечающие юридическому праву, с нравственными устоями русской души. Так, Б.Н. Чичерин, оставаясь преданным родным нравственным представлениям и не искажая при этом природное содержание права, пытается соединить несоединимое. Им не только верно подмечается одно из существенных различий между правом и нравственностью, но при этом нравственность понимается именно с точки зрения русского менталитета. «Право есть область личной воли, где господствуют личные цели, и уже, что касается нравственности, то здесь личные цели подчинены целям общим» [5. С. 101]. Чичерин не считает, что названное им противоречие между нравственной и правовой областями является причиной, принципиально мешающей эффективному функционированию права. «Как существо разумно-нравственное человек осознает общий безусловный закон... как существо чувственное, напротив, он не имеет иного побуждения, кроме личного удовольствия» [5. С. 94].

Таким образом, как сосуществуют в человеке нравственность и эгоизм, так же в человеке может сосущест-

воват сознание правовое, по сути своей эгоистичное, и нравственное. Человек может быть существом правовым и нравственным в одном лице. Право будет облагораживать область личных интересов, не давая им выливаться в откровенный произвол. Правда, «действие безнравственное может быть правомерно» [5. С. 101]. Право, согласно Чичерину, тесно связано с нравственностью, поскольку также «зиждется на сознании абсолютных начал человеческой жизни» [5. С. 101].

Итак, русский мыслитель указывает на двойственность, которая состоит в том, что, с одной стороны, человек сознает себя как часть общего, которая связана с другими разумными существами, а с другой стороны, он же сознает себя отдельным существом или самостоятельным частным центром. Но и там и здесь работает абсолютная метафизическая сущность человека. Нравственные требования – безусловный и общий закон, который не подчиняется никаким частным определениям, и потому человек как существо нравственное является свободным. Человек определяет свое поведение изнутри себя иначе: внутренне он свободен.

Но и в праве, как показывает Чичерин, отношения определяются не опытными данными, а метафизической сущностью человека. Внешняя свобода, выражаемая в праве, составляет явление внутренней абсолютной свободы лица. Человек должен быть признан свободным внешне, потому что он несет в себе внутреннюю свободу. Он свободен внутри себя, ибо такова его сверхчувственная природа. Потому «...источник права, равно как и нравственности, лежит в свободе...» [5. С. 101].

Но почему, если я решил преследовать какие-то личные интересы, то обязательно обращусь к праву, или почему выполнение определенных правовых норм будет обязательным для меня к тому условием? Чтобы обезопасить себя в своих эгоистических стремлениях, боясь наказания? Но страх, как показывает юридическая практика, никогда не был достаточным условием для эффективного выполнения правовых норм. Эгоизм не является достаточным условием, чтобы соблюдать правовые тре-

бования, так же как желание материального благополучия не обуславливает желание трудиться.

Обозначенное противоречие между нравственной и правовой областями легко снимается, если мы обратим внимание на другой тип нравственности, который принадлежит западной культуре. Право, как замечает Чичерин, есть область личной воли. Русский тип нравственности и морали оценивает область общих интересов изначально выше личных. Этическая установка на личностную автономию, когда человек оценивает и принимает все с позиций личных интересов или личной выгоды, т.е. эгоизм, в определенной степени сдержанный, является на Западе нравственной жизненной нормой. В духовно-культурном контексте западного мира примат личного над общим есть нравственное положение вещей. Это фактически способствует взаимному дополнению нравственности и права, когда реализация правовых норм утверждает существующие нравственные представления, а последние, в свою очередь, утверждают ценностное значение права, что необходимо в его эффективном осуществлении.

Возвращаясь собственно к русской философии права, нужно сказать, что, несмотря на видимое полярное различие (принятие и отрицание права), между многими учениями прослеживается глубочайший внутренний унисон, глубокая идейно-смысловая связь, показывающая общее нравственное настроение, общие православно-религиозные корни. Русскую философию права можно рассматривать как единый эволюционный процесс, в котором выражены общие духовно-культурные ценности. Что касается именно той части русской философии права, где утверждается идея права, то внимательное изучение специфики правопонимания русских мыслителей дает возможность обоснованно говорить, что такое понимание свидетельствует не о стереотипности правового скептицизма в России, а наоборот, является дополнительным подтверждением того, что названное явление есть продукт архетипности русского сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Соч. М., 1995.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Соч.: В 10 т. М., 1993.
3. Сергей Страгородский. Православное учение о спасении. М., 1991.
4. Соловьев В.С. Оправдание Добра // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
5. Чичерин Б.Н. Нравственный мир // Русская духовная философия: философия веры и нравственности (антология). СПб., 1997.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 октября 2009 г.